

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

Л. Б.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

АПРѢЛЬ, 1884

9
H 90

ИСТОРИЧЕСКІИ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ XVI

1884

Выпуск

Библиотека Императорского
Гос. Музеума № 32808

С-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ А. С. СЕВЕРИНА, ОУЛЕНЪ ПЕР., Д. 11—2

1884

УГОРСКИЕ НАРОДЫ ¹⁾.

ФИНСКОЕ научное общество вообще очень дѣятельно и не проходит мѣсяца, чтобы оно не выпускало, больше или меньше важныя по результатамъ, изслѣдованія своихъ членовъ. Еще очень недавно вышла въ свѣтъ крайне любопытная книга доктора Буха о вотякахъ, а теперь появилось полное интереса изслѣдованіе профессора Алквиста. Послѣ Кастрена врядъ ли можно отыскать такого знатока урало-алтайскихъ языковъ, каковъ почтенный профессоръ Гельсингфорскаго университета, посвятившій всю жизнь свою на изученіе народовъ этой отрасли, начиная отъ береговъ Ботническаго залива и кончая съ одной стороны широкою Обью, а съ другой — павшимъ теченіемъ Волги. На этотъ разъ на судъ публики является плоть многолѣтнихъ трудовъ г. Алквиста среди остатковъ чисте угорской семьи урало-алтайцевъ, причемъ авторъ явился въ среду изслѣдуемыхъ имъ народовъ во всеоружіи знанія ихъ языковъ, а следовательно могъ видѣть и слышать то, чего другіе изслѣдователи, при всемъ желаніи съ ихъ стороны, видѣть и слышать не могли.

Не желая слѣдовать по, такъ сказать, торнымъ дорогамъ, г. Алквистъ избралъ такой путь, гдѣ онъ могъ встрѣтить незатронутыя еще огузками культуры угровъ; теченія рѣкъ Сосны, Вышны, Тисы, Цельны, Тавды, Туры, Конды и наконецъ громадной Оби изслѣдованы были самымъ тщательнымъ образомъ, причемъ авторъ

¹⁾ Ueber Ostjaken und Wogulen. — Zeitschrift für Ethnographische Mittheilungen von Aug. Mikulin (Средніе Остяки и Вогулы). — Извѣщенія изъ этнографическаго общества Авг. Алквиста).

постоянно находился въ привычных и самыхъ дружескихъ отноше-
ніяхъ, какъ съ вогулами, такъ и съ остяками, которые во шкату
въ немъ чиновника, а потому и говорили съ нимъ, не стѣсняясь.
Въ наши цѣли отнюдь не входитъ слѣдить шагъ за шагомъ автора
и мы постараемся лишь дать общій очеркъ добытыхъ имъ резуль-
татовъ.

При этомъ считаемъ долгомъ выразить финскому научному об-
ществу искреннюю признательность за оказанную имъ намъ любез-
ность. По порученію редакціи «Историческаго Вѣстника» мы
обратились, черезъ посредство г. Алквиста, въ общество съ прось-
бой о разрѣшеніи воспроизвести въ нашей статьѣ нѣкоторые ри-
сунки изъ изданнаго имъ изслѣдованія г. Алквиста. Общество съ
полной готовностью и безвозмездно представило въ распоряженіе
редакціи «Историческаго Вѣстника» کلیه тѣхъ рисунковъ, кото-
рыми мы ждаемъ иллюстрировать нашу статью.

Вогулы (маньчэ) и остяки (тоцца) обитаютъ уграми (ор или
форыны-ахъ) только самодѣлать, а себя звать называть въ тѣхъ
рѣкамъ, на берегахъ которыхъ они живутъ. Мнѣ было уже го-
ворено объ этихъ народахъ въ литературѣ, и въ то время, какъ
нѣкоторые писатели старались доказать ядреность ихъ и культур-
ную способность, другіе, напротивъ, утверждали, что они доселе
немишуемо вымерли. Не притично такому категоричному отноше-
нію считать, во словамъ г. Алквиста, систематическое спиваніе тун-
цевъ водены, а скорѣе неспособность ихъ приспособиться къ новымъ
условіямъ жизни, которые установились на Оби. Но кто же,
спрашивается, замѣтитъ здѣсь эти племена? Русскіе переоселенцы
отнюдь не способны къ изслѣдованію этого обширнаго и богатого
края и остаются лишь однимъ народомъ, который съ давнихъ поръ уже
старается захватить весь край въ свои убогья руки. Давній, доволь-
ственнойся малымъ, дѣятельный и растительный индигенъ, воина
лучше русскаго, который успѣлъ во дѣлать дѣлать обитателямъ,
сумѣетъ воспользоваться дарами страны, само собой разумеется,
что русскіе индигенцы предпочитаютъ варить и стараются волю-
ски похитить имъ захватъ (объ въ свои руки, стѣжъ убрѣтеть,
что привычки ихъ та Каледъ (сѣверной Уралъ) идрѣе воурутъ у
нихъ земли и грабитъ ихъ дѣсьма малыми, а русскій причитъ,
что зыряннинъ хуже врагъ, но въ то время его доблестно, такъ
какъ, веравенъ, такъ захватитъ его захватитъ, какъ русскій, такъ
и остякъ, падеть въ адриннѣ будущаго захватитъ его страна,
са всѣми на богатствами, и старается потому, воурутъ у
хититъ славу и воурутъ захватитъ его захватитъ въ край.
«Историческаго» разъ уже, воурутъ истинный авторъ «Историческаго»
воурутъ захватитъ, тѣмъ же захватитъ захватитъ на р. Каледъ, воу-

жающей въ Обскую губу, но всё ихъ старшья остались до сихъ поръ тигеманъ, благодаря противодействию мѣстныхъ властей, которыми, вѣроятно гораздо удобнѣе управиться съ неразумными остиками, нежели съ предприимчивыми заринцами. «Только этотъ народъ, продолжаетъ г. Алкиветъ, и можетъ покорить для культуры эту страну. Русское население въ этомъ столѣтїи почти совершенно не умножилось и ослѣдось все на тѣхъ же давно населенныхъ предками мѣстахъ; остицко-вогульское население шммираетъ съ каждымъ годомъ, тогда какъ заринцы предтаиваютъ собою идоловѣтное и крѣпкое племя, которое, словно, создано для зѣловодства, оленеводства и рыбной ловли, а также и вообще для культуры». Они зарини уже у себя носима вплоть до 65° сѣверной широты; здѣсь они могутъ зимств на нижнемъ и среднемъ теченїи Оби обширное скотоводство при своей умѣлости удозиторить ежегодный уловъ рыбы. Пока еще дозволять, однако, заринцамъ заселить долины Сосны и Оби пройдетъ еще много лѣтъ и оба интересующя насъ народа успѣютъ пожалуй окончательно вымереть.

Вѣншїй видъ остиковъ и вогуловъ вовсе не такъ некрасивъ, какъ это предпологаютъ тѣ, кому приводилось видѣть лишь циничнїе экземпляры, попадавшїеся путешественникамъ въ немногихъ русскихъ поселенїяхъ. Глаза остиковъ, наиримѣръ, часто напоминаютъ глаза монголовъ, но зачастую имѣютъ круглую и притомъ открытую прорѣзь, причемъ цвѣтъ приса то темнокоричневый, то черный; большїи глаза встрѣчаются очень часто, благодаря неудобству и гривн жалицы. Скулы выдаются у многихъ лишь въ очень незначительной степени, хотя въ науки и держится совершенно противоположное убѣжденїе; носъ зачастую прямой и только лишь въ нижней части своей слишкомъ уже широкъ, что можно видѣть и на изображенїяхъ ядовозъ; подбородокъ острый и при томъ вѣсколькo выдающїйся, ротъ часто широкъ, причемъ губы дствствуютъ значительной толщины, что совершенно противурѣчатъ женскимъ ужимкъ губамъ; волосы въ большинствѣ случаевъ черные, хотя иногда и встрѣчаются темнокаштановые при самомъ незначительномъ числѣ блзкоурныхъ экземпляровъ, которые по большей части чаще встрѣчаются среди вогуловъ. Сѣвернѣе Березова носить и остика и совшнскїе вогулы волосы заплетенными въ двѣ косы, но многе успѣли уже замстновать русскую прическу; вазрогнїе того на югѣ Березова косы попадаются очень рѣдко. У обонхъ народовъ руки очень палжны и притомъ очень малы, что служить какъ бы подтвержденїемъ гипотезы одного ученаго объ угорскомъ доисторическомъ населенїи Европы. Вѣншнїе черты глазою орннты сильно привоидиты, что приближаетъ угорскя народы къ основному типу желтой расы; самые глаза малы, глубоко посажены и приса самыхъ тоннахъ остиковъ. Интересно, что по строенїю че-

реша оба народа очень напоминают чистых финновъ, хотя по внешности они болѣе похожи на лопарей.

Остякъ не плодovitъ, да къ тому же, вслѣдствіе дурныхъ условий и плохой пищи, дѣти его подвержены ценомѣрной смертности, которая достигаетъ зачастую 75% всего числа дѣтей; многія пары остаются на всегда бездѣтными, да кромѣ того, многіе мужчины остаются неженатыми, такъ какъ пріобрѣтеніе себѣ жены стоитъ такъ дорого, что большинству приходится отказываться отъ семейной жизни. Рѣдко способенъ остякъ вышлатить калымъ немедленно и обыкновенно уплата производится въ теченіи двухъ, иногда даже и болѣе, лѣтъ, такъ что, ради избѣжанія уплаты, остяцкій кавы-

Видъ города Верхня.

ль уговариваетъ свою возлюбленную на уходъ; къ сожалѣнію, мѣстные ревнители всячески «основъ» строжайшимъ образомъ преслѣдуютъ подобныя уходы и тѣмъ съ одной стороны поощряютъ сожалѣтельство и развратъ, а съ другой—лишаютъ народъ возможности плодиться. Для примѣра затруднительности уплаты калыма, авторъ рассказываетъ объ одномъ остякѣ изъ Евдыра, который настолько счастливъ, что имѣетъ утѣху жизни, купленную имъ за 150 рублей; деньги были заняты имъ у Сухоруковского священника, о. Іоанна; уплата долга производилась кедровыми орѣхами, цѣпными за нудъ по 70 коп., тогда какъ они на худой конецъ стоятъ 1 руб. 10 коп.; въ уплату принимались олени шкуръ за 50% ихъ стоимости, а также и соболя; весь долгъ былъ уплаченъ

шь 14 лѣтъ. Само собою разумѣется, что пріобрѣти за такія вещи мѣрныя деньги предметъ роскоши, остижъ съ нимъ не переименуютъ, и женщина пользуется такими же правами, какъ олень или собака, которыхъ хозяйни можетъ и любить и убить по своему усмотрѣнію. Каждый любящій отецъ семейства старается заблаговременно обезпечить для малолѣтняго еще сына удовольствіе имѣть жену и такъ какъ по остячкѣй поговоркѣ: «покунай оленя теленкомъ, а жену—дитяемъ», то нерѣдко можно видѣть, въ особенности на Сѣверѣ, десяти-лѣтнихъ мужа и жену; случается, что отцы покупаютъ своимъ малолѣтнимъ сыновьямъ и взрослыхъ женъ, но тутъ они дѣйствуютъ уже отнюдь не въ выгодахъ сына, такъ какъ думаютъ больше о себѣ; извѣстное въ Россіи преступленіе развито среди угорскихъ народовъ чрезвычайно, и напрасно авторъ считаетъ его перенятымъ у русскихъ, такъ какъ среди нашихъ крестьянъ отвлеченными «снохачами» считаются мордва и черемисы. Изъ опасенія за увода или вслѣдствіе пныхъ какихъ либо причинъ, но и остижки и погузки носить на лицѣ покрывала, хотя, закрывая себѣ лицо, отнюдь не заботятся о сокрытіи нѣкоторыхъ иныхъ частей тѣла, которыя, по нашимъ воззрѣніямъ, всего скорѣе должны бы скрываться отъ постороннихъ. Только непокрытая бѣдность заставляетъ иногда русскихъ женщинъ выходить за-мужъ за остижковъ, которые, однако, охотно скрециваются съ ними, въ виду отсутствія въ такомъ случаѣ кадыма. Хотя угорскіе народы и считаются христіанами, однако, все же нерѣдко можно встрѣтить здѣсь многоженство; въ 12-13 лѣтъ дѣвушка считается уже способною къ брачной жизни, что, однако, не мало вліяетъ на плодовитость браковъ. Съ достиженіемъ возмужалости, дѣвушка начинаетъ носить «вурьш» или поясъ цѣломудрія, сдѣланный изъ кожи или бересты, предназначенны для чистоплотности, что, по увѣренію Финна, иногда достигаетъ цѣли. Если дѣвушка не соблюла своей чистоты, то это не ставится ей въ упрекъ и лишь нѣкоторыя, успѣвшія нѣсколько обрусѣть погузки находятъ неудобнымъ приводить съ собою въ домъ мужа чужого ребенка; знатоки увѣряютъ, что не найдется тринадцатилѣтней дѣвушки, которая соблюла бы свою дѣвственность до этого возраста; мѣстные жители совершенно серьезно увѣряютъ даже, что остижки такъ и рождаются жещцннамъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ на свадебномъ пиру, въ случаѣ неожиданнаго счастья для молодожена, бьютъ посуду отъ радости и обсыпаютъ пухомъ родителей молодой при обычномъ разочарованіи въ ожиданіяхъ.

Если бы для того, чтобы превратить человѣка въ христіанина, было достаточно одного крещенія, то, конечно, оба угорскіе народа могли бы быть, за весьма диня немногими исключеніями, признаны христіанами; но въ томъ-то и дѣло, что рука-объ-руку съ этимъ обрядомъ вовсе не идетъ подготовка крещеника къ прилюдно выговору христіанскихъ истинъ, все поддѣлывается подъ ладъ

пхъ же прежнихъ суевѣрій и новокрепленцы остаются на-вѣки все-тѣми же язычниками, съ тою лишь разницею, что всѣ обязанности пхъ шамановъ принимаютъ на себѣ священники, по развитію очень не далеко ушедшіе отъ своихъ предшественниковъ. Страннѣе всего, что масса языческихъ суевѣрій только увеличивается новыми, заимствованными изъ жнтіи и т. п. источниковъ, и слѣдствіемъ такого поведенія священниковъ является ящикъ съ божками, который найдется во всякомъ домѣ, а любимый божокъ — въ карманѣ остика, когда онъ находится на рыбной ловлѣ или на охотѣ; божку

Сортишье—русское поселеніе на рѣкѣ Шибрской Сомѣ.

этому обиваютъ лицо то жестью, а то и серебромъ, а остицкій князь Тайшивъ употребилъ на эту богоугодную потребу то блюдо, которое было пожаловано ему императоромъ Николаемъ I. Обыкновенно эти щодлы состоятъ изъ куска дерева, верхушка котораго обдѣлана въ нѣкоторое подобіе человеческого лица; на божка надѣвается рубаха изъ цвѣтнаго сукна, украшенная золотыми и серебряными позументами. Эти щодлы, которые стоятъ по лѣсамъ, часто бываютъ очень толсты, такъ какъ добродѣтельные датели, обиваемые имъ въ благодареніе отъ той или другой опасности или же добрымъ уро-вомъ и полѣсованьемъ, навязываютъ на нихъ по нѣскольку сукна-

ныхъ рубахъ, навѣшпваютъ шкуръ, разныхъ мехкихъ вещицъ, ездуть подлѣ нихъ даже деньги, а самимъ божкамъ вымазываютъ рты муксуннымъ жиромъ и олепшею кровью. Раза два изъ родъ предъ особенно почитаемыми богами приносятся какъ бы общенственныя жертвоприношенія, гдѣ убиваются олени, лошади, но чаще всего пѣтухи. И лошади и пѣтухи, считающіеся самою пріятною для боговъ жертвою, покупаются у русскихъ, такъ какъ сами остяки и вогулы не водятъ ни тѣхъ, ни другихъ. Неирывыпный путешественникъ будетъ очень удивленъ, когда въ пріобской русской деревнѣ спроситъ съ него рубль за курицу и два рубля за пѣтуха; но въ томъ-то и дѣло, что птицы эти разводятся съ спеціальною цѣлью быть проданными потомъ остякамъ; зачастую и мѣстные священники не брезгаютъ разводить сію выгодную для нихъ статью. Впрочемъ, какъ ни просты съ лица угорскіе боги, однако, они и не думаютъ брезгать болѣе богатыми приношеніями, въ родѣ соболей, зелененькихъ и сивенькихъ бумажекъ, чтѣ, скажемъ между строкъ, весьма на-руку захожему зырянину, да и нашему русскому человѣку, что «прость» на-руку. Въ тяжелое время случается, что туземцы отправляются къ своимъ богамъ и заимаютъ у нихъ то, что еще не увесено зырянами и русскими; но отдать этого долга—бѣда, такъ какъ боги накажутъ такого педѣрваго должника, отнявъ у него все, что онъ имѣетъ. Что это за боги такіе — узнать рѣшительно невозможно, такъ какъ въ угорскомъ мпологическомъ канонѣ царствуетъ путаница невообразимая; кромѣ того, всякому изъ писавшихъ объ этомъ дѣлѣ путешественниковъ трудно было стать, по малой своей пригтовленности, къ такому рода изслѣдованіямъ, на остяцкую, напримѣръ, точку зрѣнія, а съ другой стороны, едва эти изслѣдователи начинали разговоръ о религіи, какъ туземцы незамѣтно начинали отмачиваться, отбѣкиваться незнаціемъ и т. п. Главныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ заимствуются обыкновенно позднѣйшими путешественниками у своихъ предшественниковъ, которые всѣ, какъ оказывается, черпали полною рукою у пѣкогого священника Вологодскаго, писавшаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія о религіи угорскихъ народовъ въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», а что онъ звалъ и писалъ, то вотъ образчики. Нашелъ сей изслѣдователь у остяковъ бога «Мастеръ» или «Мастерко», мѣстопробываніе котораго находилось на мысу, при слияніи Иртыша съ Обью, куда на поклоненіе къ нему сходились и остяки и даже вогулы и самоѣды; богу этого туземцы называютъ «турымъ—ас-теръ», т. е. Оби корня бога, такъ какъ Обь по ихъему «асъ», а отецъ Вологодскій, прчто же сумящплся, взялъ да и прибавилъ послѣднюю букву слова «турымъ»—богу къ принятому имъ за одно слово «ас-теръ»; потомъ и пошли уже разныя хитроплетенія, въ родѣ приращенія «Мастера» къ нашему русскому «мастеру», а такъ какъ для русскихъ

вѣ-такъ, этотъ божокъ явился чѣмъ-то низкимъ, достойнымъ презрѣнія, то и пошелъ на потребу Фивиней и другихъ доврчивыхъ людей пвкогда существовавшій на свѣтѣ «мастерко». Точно также и остальные имена боговъ, встрѣчающіеся у Эрмана, Кастрена, Фрнша и Полякова, ничто иное, какъ имена нарицательныя; на примѣръ: «ортпкъ» значитъ—господинъ, «менкъ» и «куль»—чортъ, «лоньхъ»—идоль, «урт-пге»—господинъ старшій, и, наконецъ, «сорни-турымъ»—золотой (дорогой) богъ. Чѣмъ-то въ родѣ бога считается, вѣроятно, и медвѣдь, такъ какъ убіеніе его сопровождается

Драматическое представленіе у вогуловъ.

особымъ широмъ, танцами и шутками, образчикъ которыхъ описываетъ авторъ въ своей интересной книгѣ. «Торжественное представленіе устроено было ввечеру въ одной изъ горницъ Сортиньскаго волостнаго правленія, гдѣ у одной изъ стѣнъ, на столѣ была разложена медвѣжья шкура такимъ образомъ, чтобы казаться, что медвѣдь лезетъ на столъ и положилъ уже на него свою морду и лапы. Въ каждую глазную впадину всунули по серебряной монетѣ, а на когти попадавали колецъ; возлѣ медвѣдя сидѣлъ человекъ, изображающій его побѣдителя, а ѓ-бокъ съ нимъ помѣщался другой, который держалъ въ рукахъ нѣчто въ родѣ арфы и былъ музыкантомъ. На скамьяхъ и на полу сидѣла масса зрителей, вогуловъ

и русскихъ, мы помѣщались на почетной лавкѣ, а актеры размѣстись и гримировались въ другой комнатѣ. Самое представление началось съ того, что на сцену вышелъ замаскированный человекъ; маска его была сдѣлана въ бересты и снабжена была, какъ и всѣ остальные маски, очень комичнымъ длиннымъ носомъ, что, вѣроятно, и дало народу поводъ называть маску вообще — «длиннымъ носомъ». Въшедшій началъ монологъ, гдѣ онъ, между всевозможною пошлостью, хвастаясь также своею силою и мужествомъ, количествомъ перебитыхъ имъ на своемъ вѣку медвѣдей, съ которыми вожанилъ передъ нимъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ сравниться, такъ какъ это не медвѣдь, а только медвѣжевокъ. Но на бѣду тутъ-то пменно и увидалъ онъ печашню бѣлвчій хвостикъ, который одинъ изъ публики совершенно будто бы незаметно привязалъ ему къ ногѣ... Актеръ пугается повѣтрошно, начинаетъ петь трясется, кричитъ и вывааетъ о помощи, падаетъ, наконецъ, на полъ и вѣщескими ужасками выражаетъ свой неописанный ужасъ предъ чудовищемъ, которое, какъ ему кажется, впилося ему въ ноги. Ясно, что цѣль представленія была въ этомъ трусливомъ человекѣ выставить рѣзче контрастъ съ мужественнымъ охотникомъ, гордо сѣдавшимъ за столомъ подлѣ своей добычи. Послеъ этого начинали цѣлый рядъ маленькихъ драматическихъ сценокъ, большинство которыхъ состояло всего лишь двумя лицами; интересно, что всѣ эти отдѣльныя сценки отноде не имѣютъ никакой внутренней связи съ предметомъ вразднства, но представляли картинки изъ жизни погулявъ. Такъ, напримеръ, въ первой сценкѣ появился, прежде всего, русскій городской кузнецъ плн мѣщанинъ, котораго тотчасъ же можно было узнать потому, что къ его маскѣ прикрѣплена была длинная сѣдая борода; онъ вошелъ въ юрту вогула съ цѣлыми купить у него полъсолную добычу. Само собою разумѣется, что русскій, не приступая еще къ переговорамъ о цѣнѣ, выпиваетъ изъ кармана бутылку водки, и заявляетъ, что при помощи этого средства ему удастся и скоро, и не безъ выгоды для себя, обойти долѣрщпаго и надсаго па водку туземца. На повѣрку выходитъ, однако, что вогулъ себѣ-на-умѣ; пока въ бутылкѣ есть еще водка, онъ, по-видимому, склоненъ уступить все чуть не за даромъ своему амфитриону, но едва послѣдний капля драгоцѣнной жидкости вышита, какъ онъ, объявляеть, что не можетъ продать ничего, такъ какъ, къ великому своему прискорбю, запродавъ уже свой товаръ другому. Русскіе зрители отнеслись къ этой насмѣлкѣ совершенно благодушно и отъ души смѣались надъ своимъ одураченнымъ соотечественникомъ. Въ слѣдующей сценѣ выступили уже мать и дочь, которыя собирали въ лѣсу ягоды; и эти роли исполнялись мужчинами, которые были одѣты въ женское платье, но на этотъ разъ были уже безъ масокъ, хотя лица ихъ были закрыты платками, какъ это можно наблюдать у всѣхъ уворскихъ женщинъ.

Но смотря на усиленные предостереженія матери, дочь, все-таки, единичномъ, далеко выходить изъ дѣвъ и въ концѣ-концовъ оказывается, что она выдуралась; ихотѣ пожить отчасти трагическій характеръ, такъ какъ, когда она возвращается къ матери, то оказывается, что лишій лишней ее невинности. Слѣдующая сцена потѣшается уже надъ вогуломъ, который подт. мнѣшемъ знакомства съ русскимъ жевачетъ и самъ жить болѣе культурною жизнью, онъ хотѣтъ живети скогину и покупаетъ корону, которой, однако, онъ прежде въ жизнь свою никогда не видывалъ; понятию, что то-винно и приступилъ не умѣетъ къ диковинному звѣрю, ведетъ ее домой за хвостъ и въ особенности остроумно донти. онъ роль короны разыгрываетъ тоже вогулы, который выказалъ неозмітительный талантъ, изображая строгитивость удивленнаго животнаго, которое не привыкло, чтобы его дошли подобнымъ образомъ. Но веруть искусство была сцена, исполненная двумя молодыми еще вогулами; одна изъ нихъ представлятъ нѣсколько подвыпившаго человѣка, который идетъ по лѣсу въ луночную ночь; печально глаза его опускаются на землю и тутъ-то замѣчаютъ онъ, что ползѣтъ негъ другой какой-то путишкѣ—его тѣни; онъ наговариваетъ со своимъ спутникомъ и принимаетъ охъ за его откѣты; мало-по-малу, актеръ выходитъ изъ себя и начинаетъ что есть мочи колотить палекомъ грубѣнна, повторюющато его слова и торчащато постоянно ползѣтъ што въ виду бѣжна онъ избѣгаетъ въ густой лѣсъ, куда свѣтъ луны не проникаетъ и рѣшаетъ въ своей головѣ, что надѣланный спутанкѣ спростается изъ кустарникѣ. Довольный своею побѣдою, ильчешскій отирается домой, а актеръ, изображавшій тѣни, удостоивается похвалъ со стороны зрителей, такъ какъ роль свою онъ исполнилъ блестяще. а роль была отнюдь не изъ легкихъ, въ виду того, что одинъ маленькій поворачивался къ нему спиною, какъ онъ долженъ былъ проскользнуть у него между ногъ, чтобы толкаться въ окладиться передъ его носомъ. Каждая сцена заканчивалась танцами подт. тактѣ музыки; танецъ, выполнялся въ одиночку и хотя танцуетъ и много лицъ, но всѣмъ волею дѣлать тѣ движения, который ему заботоразудителъ; онъ состоитъ изъ примитивнаго, сопровождаемаго различными тѣлодвиженіями, позыми и т. п. Все это производитъ отнюдь не дурное впечатлѣніе, но носку комическій отпечатокъ, такъ какъ исполняется мужчинами. Авторъ изрядно повѣдствитъ ошаръ Конциска тѣ же танцы, но исполняемые уже женщинами и тутъ оказалось, что и женщины угорскія народны не лишены нѣкотораго стремленія придать танцамъ сдѣластрастнаго оттѣнокъ, который дѣлаетъ ихъ отомъ-то въ родѣ бачикова, калкана. Почтенный путешественникъ хотѣлъ дождаться конца представленія, находѣтъ въ немѣи удивленности, что все совершается по заранее составленному плану, но какою не было его изумленіе, когда оказалось, что подобная представле-

вія продолжаются иногда два и три дни, да и то сюжеты въ вышесказанныхъ пьесахъ; пока есть запасъ волки, до тѣхъ поръ тянется и самое представленіе, такъ что убитый медвѣдь, въ честь котораго устраивается празднество, навѣрное принесеть счастливому охотнику больше, чѣмъ онъ истратитъ на угощеніе. Не малую роль въ праздествѣ играетъ и самъ медвѣдь, такъ какъ къ нему обращаются съ теплою рѣчью, гдѣ утѣряютъ его, что это вовсе и не

Оставшіе ливны.

думали убивать, что это самъ онъ пачьнулся на сучакъ, что во всякомъ стыда для него отъ этой неволеи идти, а что, напротивъ того, шкура его будетъ служить для одѣянія шитыиъ людей. Съ головы шкуру никогда не сдирають, когти украшаютъ кольцами. Въ глаза впалны вставляють серебряныя рубли и, въ концы концовъ, утѣряють «старика», что убитъ онъ не остоумъ, а русскимъ, который выдумалъ порохъ и ствольныя орудія. Безъ ственное значеніе медвѣдя доказывається еще и тѣмъ, что остоум и вогулы клянутся его зубомъ или костью.

Профессоръ Даквистъ не соглашается съ общераспространеннымъ въ наукѣ убѣжденіемъ, что остатки и погулы до чрезвычайности искусны въ выдѣлкѣ разныхъ предметовъ домашняго и промышленнаго обихода, но въ то же время свидѣтельствуемъ о томъ, что угорскія женщины дѣйствительно великія искусницы и обладаютъ въ высшей мѣрѣ искусомъ и стремленіемъ къ изящному; изъ простой бересты онѣ умѣютъ выдѣлать самыя разнообразныя предметы, причѣмъ всѣ они сплошь покрыты очень красивыми рѣшущими, широкими въ берестѣ отъ руки ножомъ; въ особенности же выдѣлаваютъ онѣ свое мастерство въ вышивкахъ и въ украшеніяхъ одежды бусами и гарусомъ. Хотя и недолго оставались угорскіе народы подъ владычествомъ татаръ, но все же цѣлѣе этихъ послѣднихъ на бытъ обскихъ туземцевъ сказывается на каждомъ шагѣ, они не ѣдятъ свинины, женщины ихъ закрываютъ лицо, женская одежда есть почти точный сколокъ съ татарской, а главное — большинство, такъ называемыхъ, культурныхъ словъ, какъ напримѣръ: плутъ, соха, коса, рожь, горохъ, хмѣль, хлѣбъ, лошадь, корова, государство, господишь, рынокъ, мыло и т. п. несомнѣнно татарскаго происхожденія.

Не мало интереса представляетъ у угорскихъ народовъ существующій у нихъ способъ счета времени; самымъ короткимъ мѣриломъ времени является «ночь», что значитъ — котель, и соответствуетъ тому времени, которое потребно на сварку ухи или хлеба. День у огтяковъ въ смыслѣ «сутки» отъ него наименьшимъ не выѣтъ, а называется составнымъ словомъ «день-ночь»; неделя называется запросто числительнымъ «семь», подобно мадьярскому языку, мѣсяць называется «лупа», а годъ — опять-таки «лупа-лѣто». Въ году мѣсяцевъ тринадцать и новый годъ начинается съ перваго весельяго новолунія. Замѣчательно, что у угорскихъ народовъ существуютъ зачатки писемъ, которые получили свое начало въ семейныхъ и родовыхъ тавровъ, свидѣтельствующихъ не только о принадлежности того или другого предмета извѣстному лицу, но зачастую фигурирующихъ въ качествѣ подписей на переговорахъ и документахъ; тавры эти могутъ иногда группироваться и тогда свободно читаются въ видѣ болѣе или менѣе сложной фразы, какъ это намъ случилось уже разъ наблюдать у мордвы, образецъ писемъ которой былъ выставленъ въ одной изъ витринъ антропологической московской выставкѣ 1879 года. Русскіе пришедъ къ остаткамъ писематы, шашки и карты, а туземцы удивительнѣйшій составъ въ таврацать, мушкы, пѣши и загадыванія шашдокъ. Угорскіе народы обладаютъ своимъ народнымъ ипеструментамъ, который называется «шурравельмъ», въроство въдѣствие того, что верхняя часть его дѣйствительно вырѣзывается въ формѣ птичьей головы, иногда же — шѣриной; жѣтывы писемъ представляютъ весьма значительныя сходство съ финскими, но отъ нихъ вѣтъ еще болѣею принадлежностью

Несомнѣнно, что новый трудъ почтеннаго профессора составляетъ крайне отрадное явленіе въ нашей этнографической литературѣ, какъ и все, что до сихъ поръ выходило изъ-подъ его пера. Къ сожалѣнію, лишь не многое, написанное г. Алквистомъ, переведено на русскій языкъ (намъ извѣстны лишь его «Культурныя слова» въ переводѣ г. Майкова) и большинство его работъ существуетъ лишь на финскомъ языкѣ, какъ, напримѣръ, всѣ его двугшестяческія работы, а также и нѣкоторыя этнографическія.

В. Майновъ.

Несомнѣнно, что новый трудъ почетнаго профессора составляетъ крайне отрадное явленіе въ нашей этнографической литературѣ, какъ и все, что до сихъ поръ выходило изъ-подъ его пера. Къ сожалѣнію, лишь не многое, написанное г. Алквистомъ, переведено на русскій языкъ (намъ извѣстны лишь его «Культурныя слова» въ переводѣ г. Майнова) и большинство его работъ существуетъ лишь на финскомъ языкѣ, какъ, напримѣръ, всѣ его лингвистическія работы, а также и нѣкоторыя этнографическія.

В. Майновъ.

